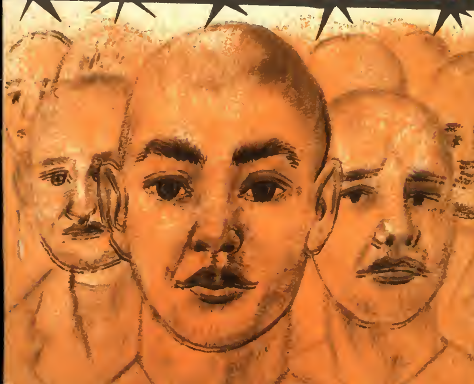
Анатолий Зырянов

ЗЕКАМЕРОН

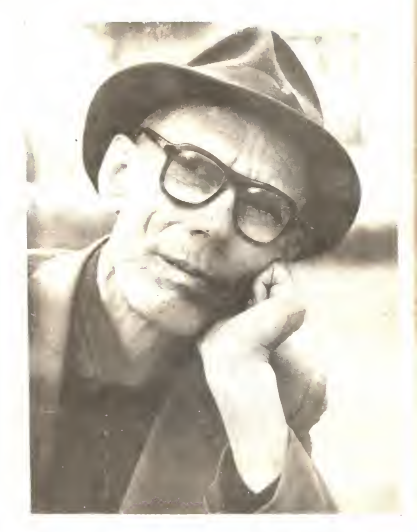
Самого вам доброго и светлого в жизни. Дай-то Бог!
автор [signature]

Анатолий Зырянов

ЗЕКАМЕРОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОКОЛИЦА»
ЧЕЛЯБИНСК
1992

ISBN 5—87527—003—9

* * *

Заклинает
каждый день
голос памяти
красным светом родимого крыльца.
И печальными глазами моей матери,
и нежданной похоронкой на отца.

Потому и не загинул я на свете
на казенном лагерном плацу.
Только оступлюсь —
и резкий ветер
хлещет
заклинаньем
по лицу

* * *

То ль по прошлому поминки,
над страной ветра —
туги...
Эх, дубинки вы, дубинки —
перестройки рычаги.
И торгашеские рожи
сортируют: что по чем!
Продается все, похоже.
Видно, мир забыт Христом.
Русь моя — ума палата!
Но до сей поры нища —
столькими на свете клята
в час урочный, сгоряча.
Отнимала волю-волюшку
и сулила вечный рай.
Отруби мою головушку,
хоть за грош ее продай!
Я — не раб твоих опричников,
и по мне не ставь свечу.
И в аду —
за мнёнье личное —
я дубинку схлопочу...

СОРВАНЦАМ 50-Х

Риск на жизненной бровке,
только, парень, зазря.
И по моде наколки,
хромачи — прахаря!
Жить по лживым заветам
не пытайся, пацан.
Кончишь «стенкою» где-то
за притонный туман.
Не гляди так на цены
заграничных вещей.
Будешь биться о стены
ты в одну из ночей.
Стать мечтали легендами
барахолок — птенцы.
Приучали конфетами
их к себе подлецы.
Неужели не светит
ничего впереди,
лишь поземкою ветер
заметает пути..?
То ли боль одиночества,
то ли муки потерь
гложат сердце.—
Так хочется
рвануться за дверь!

* * *

Какая вселенская сила
кружила,
швыряла,
несла..?
В парадный подъезд не пустила,
вдоль улиц ночных повела.

И словно шептал кто-то
с неба:
в бездомных лишеньях живи
и вечно неси высший
жребий —
российскую стужу в крови.

* * *

Где ты, мой друг, запропал,
как лист облетевший с куста...
пронизана русская даль
библейскою тенью Христа.

Чей это свист над землей?—
иль крестные муки твои,
иль время над Спасом в крови,
свистит половецкой стрелой...

* * *

Всегда есть горечи предел
в среде никчемных мелких дел.
Судьбу я наполнял ветрами,
вокзалами и поездами.
В глазах свет вещий обитал,
когда мне новый перевал
дарил летящую грозу
иль горьковатую слезу.
Во мне скопилось,
                    отлежалось
достоинство судьбы —
                              не жалость.
...Прошел,
            пылая,
                    сквозь меня
свет резкий вещего огня.

* * *

Холод дальних окраин не мил —
как он веет в бездомную душу..!
Потому этой ночью на мир
столько горьких проклятий обрушу.

Я спешу по дождю—
я ничей!
Ночь наполнена свистом и гудом.
Только странно,
что холод ночей
полюблю —
и всю горечь забуду.

Только знаю:
когда-нибудь я
вновь увижу свое мирозданье—
этот жуткий пролет бытия.
— Уходя.
Оглянусь на прощанье!

* * *

Русь, зачем так холодна?
Иль от белых вьюг хмельна?..

Обещала — грудь в крестах,
завела в глухую темь.
В этих проклятых местах
нету выхода совсем.

Не стихает волчий вой
за спиной — и путь далек...
В эту ночь я всем чужой,
в эту ночь и сам я волк.

Сгину в поле я навек,
в заметельности ветров.
Хоть и ножик в рукаве,
не отбиться от волков...

Русь, зачем так холодна —
иль от белых вьюг хмельна?..

* * *

Я дитя большого столкновенья
уличного мира и войны.
Жить привык законами скольженья.
И ни друга нет и ни жены.
Всем снегам принадлежу и ливням,
но подскажет сердцу горизонт:
предъяви своим дорогам длинным
собственной судьбы нелепый счет.
Голубым огнем непостоянства
жизнь моя на свете зажжена.
В плещущее марево пространства
с детских лет душа устремлена.

Скомканы судьбой глухие дали.
Мне ветра ночные прокричали,
и во мгле огромный шар земной
тихо покачнулся подо мной.
И душа наполнилась волненьем,
я пришел к единственным мгновеньям,
где ветров приемлю торжество,
так с землею требует родство.

Близкий друг всю боль припишет мне,
и мелькнут огни в тоске дорожной,
не по чьей, по собственной вине
потеряю милую, быть может.
За случайным где-нибудь столом
я безвольно припаду к стакану,
даже не подумаю о том:
не к вину я припаду — к обману.
...Как и он, от всех друзей далек,
я заплачу, загрустив по дому.
Видно, душу там за пару строк
заложил я в детстве домовому.
Мир вокруг преобразится вдруг,
и уже с бедой мне не ужиться.
...И клочки черновиков из рук
рвутся, словно яростные птицы.

* * *

Может хватит дурачить Илью,
человека крестьянского роду,—
в гневе крикнул,
и силу свою
с плеч стряхнул
через пень-колоду.
И уснул.
А князья во хмелю
похвалялись: «Деньгой приголубим.
Аль мы зельем хмельным
не пробудим
дурака-простофилю Илью».
Пробудили.
Пошел, как в бреду,
только прежней
не чувствовал стати.
И подумал:
теперь пропаду,
ни за грош пропаду —
и некстати.
...Помяни,
Русь святая,
Илью,
человека крестьянского роду,
что великую силу свою
с плеч стряхнул
через пень-колоду.

* * *

Она была хозяйкою пивной,
а я был вхож в ее апартаменты,
где рассыпал пред нею комплименты —
и смех, и ругань лились за стеной.
Цветные сны горячими губами
я иногда снимал с ее ресниц.
И голуби сквозь лай собак неслись
над мостовой бесшумными кругами.
Друг друга вечно мы любить
клялись,
я умер бы
за честь прекрасной дамы
иль глотку бы
любому перегрыз...
Ругались и смеялись за стеной
мастей всех уголовных элементы.
Весь этот мир, изломанный войной,
излишние отринул сантименты.
И медленно над мостовыми мерк
ветрами социальными объятый.
Казалось,
что себя за все отверг
он перед чистым пламенем заката.

* * *

Мне долгий путь тогда
предназначался...
Перрон.
Охрана.
Хриплый лай собак.
В тот день решило,
видимо, начальство
свободу также бросить в вагонзак.
И вот она со мной
на жесткой полке,
паек казенный выдан на двоих,
вдыхаем с нею
кислый дым махорки,
находим радость в истинах
простых.
И что для нас призывы
к коммунизму
и брежневский
Ценральный Комитет!
Нам надо привыкать
к суровой жизни,
не потеряться,
не сойти на нет.
Пускай к окну решетчатому липнет
луна тоскою желтой до утра.
В душе, как счастья светлого молитва,—
свободой
окрыленные
ветра.

* * *

Где ты, моя Атлантика,
и норд-оста соленый бриз?
Кружила иная романтика,
ломала иная жизнь.

На окраине барахолка
заманила грубой ценой.
Даже шум ее долго, долго
не смолкал за моей спиной.

...Ах, ты, юность отпетая,
эфемерен и горек успех!
Голубой Атлантики ветер
превратился в колючий снег.

До свидания, юность в кожанке!—
заслонил тебя лесоповал,
где багром на глухой делянке
не один год баланы катал.

Вот такая вышла прожарка,
и сдается, что жил-то зря...
Износилась моя кожанка,
износились мои прахаря.

* * *

Будь проклята ты, Колыма,
что названа чудной планетой.

(из песни)

Над бараками туман
кварцевого света.
Магадан ты, Магадан,—
чудная планета.
Почва кварцевых пород
взорвана, поколота.
Имена вождей народ
начертает золотом.
Пусть и зековским кайлом
самородки найдены...
Все одобрено Кремлем —
даже если
крадены..!
Есть не только города
нашей русской славы,
но и зеки-города —
боль моей державы.
Брызжет ветер по снегам
золоченым светом.
Магадан ты, Магадан,—
чудная планета.

* * *

В котельной старого барака
я сам себе был нач и пом...
Кружился снег в таежном мраке
огромным белым колесом.

Тянулся сизый дым угара,
зола скрипела на зубах.
Зато работа кочегара
была в тепле и при харчах.

Я не просил другой работы,
к начальству с просьбами не лез,
и не было иной заботы,
как дольше спать
да лучше есть.

Даль где-то гасла в снегопаде,
оглохшая от бензопил.
Там вкалывали хлеба ради.
А я — небесный свод коптил.

* * *

Все встали сегодня
не с этой ноги.
И окна сегодня
белы от пурги.
В бараке живу,
где волчий закон.
И глупостью чьей-то
я поражен.
И цепи позорные
прошлого рву,
хотя и в бараке
я в волчьем живу.
И сразу подножка —
превратность судьбы —
злорадно меня
окружают жлобы...
Повержен лежал я
в волчьем кругу.
Звезды дрожали
на черном снегу.

* * *

Ели горечь, пили разлуку,
не постигли ни даль, ни ширь.
Будто водит по темному лугу
нас слепой поводырь.

Шли сквозь муки войны и репрессий.
Свет отчизны настоян в слезах.
На губах наших черные песни
и кровавые звезды в глазах.

Каждый шаг называя вехой,
даже божий порушили храм...
И рокочет далекое эхо
колокольного звона по нам.

* * *

Брезжит из неба свет палевый,
и ветер скулит у дверей.
И что ему правила
содержания лагерей!
И что ему я, обреченный,
или начальство мое!
На белое и черное
разграничено бытие.
Судьбою прижатый к простенку
за глупость шальную мою.
Исподтишка, помаленьку
сводится жизнь к нулю.
Брезжит из неба свет пàлевый.
Меня на свободе не ждут.
Все это неправильно —
но это нигде не учтут.
Глоток бы другого воздуха
и совсем иные пути —
не озябшими были б звезды
и не злыми мои дожди.
Закрою плотнее двери,
чтоб ветер затих и сник.
Просто нельзя не верить
в лучший свой
будущий миг.

* * *

За далями глухими теми
сквозь горечь лет и снегопад
на производственные темы
призывы-лозунги кричат.

По указанью замполита
я эти лозугни писал.
И может быть своей палитрой
кого-то к свету призывал.

Там люди страстно вышибали
свои зачеты и рубли
из гулких сосен — на повале,
из промороженной земли.

К чему им лозунги-плакаты?
Был мир за проволокой той,
который требовал расплаты
свободой,
звездами,
семьей.

* * *

Приуныл солдат на вышке,
горше с каждым днем тоска.
Виноват перед Всевышним
за безумного Зека.
...Из колючей тьмы сверкнули,
будто волчьи огоньки,
лишь молящие о пуле
сумасшедшие зрачки.
То ли снится, то ли бредишь —
страшный крик летит во мрак:
в отпуск за меня поедешь,
но не промахнись, земляк.
Труп тащили на бушлате,
месяц плакал на снегу.
Клял советскую власть кстати
шнырь барачный на бегу.
Понаехало начальство,
хмуря хари-утюги.
И скрипели зло и властно
в яром блеске сапоги.
Приуныл солдат на вышке,
горше с каждым днем тоска.
Виноват перед Всевышним
за безумного Зека.

* * *

Бесшабашная
русская суть!
Мне б в гусарах ходить —
в полковниках
иль с ножом
где-нибудь в лесу
промышлять
соловьем-разбойником.
Только вот
уподоблен Христу,
образ родины вечно
над нами.
...Я в нее невзначай
попаду,
если брошу в минувшее
камень...

* * *

Я сердцем себя навсегда
зачислил в штрафной батальон.
Мне кажется иногда:
бегу я на огненный склон.
В прицеле конвойных глаз
нас держит второй эшелон.
«К стенке» — кто струсит из нас,—
мы ведь штрафной батальон.
Нам водки по триста грамм
не зря выдавал старшина.
Победу припишут не нам,—
убьют, значит, спишет война.
Еще есть какой-то шанс
зайти с козырного туза...
отправить фашиста сейчас
к богу на небеса.
Штрафбатов шальную волну
и адским не сжечь огнем...
Здесь я искупаю вину
кровью — последним броском.

* * *

Один моральный ангелок
сказал,
что нравственный урок
гуманно дан мне,—
не скажите...
На мне незримо виснут нити.
Какую надо —
только дернут,
и я уже готов покорно
сносить превратности судьбы.
Им очень надо,
чтоб я чем-то
пренебрегал во вред себе...
По сути дела только это
покуда дадено
судьбе.

* * *

Смерть вышла на потребу
карманников-воров.
И нож блеснул нелепо,
со лжи сорвав покров.

Ты, посещавший кума
лишь с целью донести.
За счет наветов думал
свободу обрести.

Сыграй, иуда, в ящик
во славу бытия!
Явись в мир уходящих,
ты, кумовская тля.

В заоблачные кущи
неси все тот же крест:
пиши на всех живущих
донос или навет.

Прости меня, поэзия!
Сожмись в комок, душа!
Здесь выше милосердия
простой закон ножа.

Кум — оперуполномоченный.

* * *

Р. Евсеенко

Деформировало время
жизнь людскую не одну.
Самому себе не верю,
самого себя кляну.
Обо мне судить однако
не спеши, канцелярист.
Стерпит все твоя бумага —
формуляра ровный лист.
Протокольно не отметить
никаким твоим пером,
как захлебывался ветер
в одиночестве моем.
Разве ты запротоколишь,
что в сибирской стороне
вспоминает давний кореш
добрым словом обо мне.
В жизни выпала дорожка,
где вине подвержен всяк.
Не с того ли за окошком
ветер злобою набряк...

*   *   *

Прилетели ко мне солнечные сны
из далекой, из родимой стороны.
А за окнами качается зима —
посходили
          ветры севера
                              с ума.
А любимая смеялась надо мной
за чужой, за ненавистною стеной.
От дороги непредвиденной моей
возле сердца бились тысячи огней.
А по мне живому —
                              где-то вдалеке
ночь свечу держала в стынущей руке.

* * *

Нет ни друзей и ни вестей,
и загнан я в тупик.
Ну что же, выпал
туз крестей
с коварной дамой пик.
Куда ни поверни — стена,
судьбы сплошной абсурд.
И даже б это ни хрена,
но страшен божий суд.
Здесь у стены я буду глух,
жесток к чужой беде.
И все же свой бродяжий дух
ночной отдам звезде.

* * *

Помолился кто-нибудь хотя бы
За мою погибшую судьбу.
По кюветам,
яминам,
ухабам
Путь привел к позорному столбу...
И нельзя мне отступить и шагу,
Я к нему незримо пригвожден.
Надо мною не ломают шпагу,
Но плюют в лицо со всех сторон.
Потому среди безликой клики
К этому позорному столбу
Не положат красные гвоздики
За мою погибшую судьбу.

* * *

Нынче время пришло
надорвавшимся голосом петь,
чтоб себя превозмочь —
иль с тоски околеть...
Где ты, свет зоревой
дальних отчих равнин?
Я сегодня, быть может,
единственный сын,
кто себя потерял,
городам стал чужой —
вечный их пилигрим
с вечной русской душой.
Где ты свет зоревой
дальних отчих равнин,
неужели раздавлен
потоком машин?
Иль дельцами распродан
по городам,
иль с народом этапом
уплыл в Магадан?
Возгорись навсегда
символ отчей земли,
волей-волюшкой
всех одарить повели —
на нее вечный спрос,
на нее вечный спрос.
...Не с того ль
веет грустью равнинных берез..?

* * *

Степь моя,—
                    только Богу за нас не молись!—
ведь молиться за нас
                    и смешно и грешно.
Время с неба слезою скатилось —
                    и высь
между нами и Богом
                    закрыла окно.
Степь,
отпой это время не голосом вьюг
и не ветром ночным,
                    а проклятьем своим.
...И откуда-то сразу
                    возник странный звук:
конский топот,
и крики,
и дым...
Судный день наступает,—
                    кричали во мгле —
и смолкали,
в неистовом страхе зайдясь.
И пошел на восток я
                    по дымной земле,
по молитве пошел —
степь молилась за нас.

* * *

Стон крестного пути
я долго слушал —
он осенен был небом
и землей.
Зачем мою
лирическую душу,
бог допустил,
чтоб взяли под конвой!
Я столько раз
заткнуть пытался уши,
чтобы не слышать стон.
Мерцала мгла.
И крестный путь
не становился глуше —
по всем церквам
гудел в колокола.
И только там,
в далекой перспективе
отеческой земли
стоял Господь.
Смолкали грозы.
Затихали ливни,
облекая даль
в живую плоть.
Наш мир земной
слепило от сиянья
летящих крыл
небесного огня.
Но в том грядущем
светлом мирозданьи —
в той перспективе
не было меня.
И не было
мерцающих сквозь стужу
огней барачных
за глухой стеной...
Зачем мою
лирическую душу,
бог допустил,
чтоб взяли под конвой.

3 Зак. 2921

* * *

Летели осени и зимы
как пестрые стрижи!..
Я рисовал их ветром,
дымом
на жутком перепутье лжи.
Там каждый день
с позорной метой
был очень горьким и пустым.
Но в памяти плывут рассветы
с высоким именем твоим.
Я знал,
что сердце отогрею,
приду еще к такому дню...
А вот вернуться не сумею
Я к твоему уже огню.

* * *

I

Уже повеял ветер зимний.
Не сознаю еще о том,
что может быть, колючий иней
таится в имени твоем.
Кричу в пространство твое имя —
с пустых небес летит звезда.
И эта ночь — невыносима.
Невыносима пустота.

II

Я буду жить всегда в опале
твоих желаний,
                    мыслей,
                              чувств,
чтоб для тебя тревоги стали
светлей и радостней чуть-чуть.
Безумец! Как я был наивен!
Так будьте эти ночи сном...
Ведь знал я,
                    что колючий иней
таится в имени твоем.

III

Мне надо не любить! Забыться!
Но понимаю — не могу...
Весь мир подстреленною птицей
передо мной кричит в снегу.
Ни тишиной, ни ветром резким
от сердца боль не отведу...
Я именем твоим навеки
назвал далекую звезду.

* * *

Есть в мире хоть одно окно,
в котором ждут тебя давно...
И в нем, как много лет назад,
вослед тебе глаза кричат.
И ожидания свеча
горит у женского плеча.

Ужели отчий свет в окне
забыл ты в дальней стороне?
А этот свет тоской пропах,
когда ты шел в глухих снегах...
Когда ты выругался зло,—
свет этот треснул, как стекло.
Когда кому-то ты солгал,—
свет этот сразу черным стал.
И ничего страшнее нет,
когда погаснет отчий свет.
Ты будешь всем лесам —
чужой,
ты будешь всем полям —
чужой,
ты будешь всем ветрам —
чужой,
как человек с пустой душой.
Есть в мире хоть одно окно,
в котором ждут тебя давно...

* * *

Как хорошее стихотворенье,
этот день никогда не забыть.
Он ушел, мне оставил свеченье —
горький свет твоей женской судьбы.
Может быть, я тебя не увижу,
пропаду где-то, дикий и злой:
все-равно мои губы оближет
теплый ветер, что плыл над тобой.
Я принюхаюсь к ветру по-волчьи,
морду вытяну в звездную высь...
Только ты непременно той ночью
проснись!

* * *

Марине Цветаевой

Вновь к тебе прилетит на заре
одиночества сирая птица.
Ей о стены с тоски не разбиться
в коммунальной пустой конуре.

В окровавленном клюве петля
твою белую шею затянет.
Хоть свечу в божьем храме заране
ты поставь за себя!

Виноваты мы все пред тобой,
что расслышать совсем не хотели
крик,
      что завтра в гортани петлей
оборвет на пределе.

Не рассветность
                        к окошку прильнет
а какие-то тайные силы:
то ли свет ошалевшей России,
то ль холодная святость ее.

* * *

Если б только я мог
в это маленькое письмецо
всю любовь свою втиснуть,
как ночь сквозь деревья гудящие — ливень.
И словно мальчишка
подкинуть к тебе на крыльцо —
пусть с другим ты живешь —
всем соседкам на зависть — счастливо,
ты сказала б тогда,
чуть смущаясь ему,
что совсем незнакома со мной.
Только после,
уже погрузясь в полутьму,
ты б проснулась от гулких шагов за стеной.
Пусть,
не я простучу по бульвару устало,—
там с работы пройдут,
свой веселый неся разговор.
А я далеко,—
где печально упала
эта ночь на косматый таежный костер.
Ты б припомнила все —
мою каждую строчку,
поняла мой мужской
откровенный укор.
А за это письмо,
превращенное в клочья
в сердце тихо кольнет
грусти светлой укол.
Ты уставишь глаза в полутьму непременно,
разве можно уснуть от нахлынувших дум.
А ему скажешь утром
наверно:
— Спать не дал мне всю ночь
за окошком
березовый шум...

* * *

Б. Ручьеву

Текла, шурша снегами, роздымь,
твою беду и боль поправ.
И плыли радужные звезды,
к окну барачному припав.
Ушанки уши растопырив
и запахнувши свой бушлат,
ты шел в колонне по четыре,
российской
лирики
солдат.
В таежном сумраке печальном,
забыв про горькую беду,
ты говорил:
«Гляди, начальник,
земля вся в огненном цвету...»
Незримой центробежной силой
как ни кружил нас жизни круг,—
ты знал,
что есть она, Россия,
страна светлейших ливней, вьюг...
Не знал ты никакой отсрочки
в невыносимой той беде.
Свои лирические строчки
ты выжигал на бересте.
И видел дальний свет причала,
откуда близкая одна
сквозь расстоянье согревала.
...А звезды
плыли
у окна.

* * *

Время в сердце заронило
мысли, что потом зачтет...
Был поэт Борис Корнилов,—
Где он? В лагерь-то за что?

Следом очередь живая
с котелками за едой
вечно длится, замыкая
годы, ставшие судьбой.

Не согреет шапка-домиком,
белый свет в глазах не мил.
Даже брошен к уголовникам,
чтобы кто-нибудь прибил.

...Он оборванный, худющий.—
и не может разуметь:
что же все-таки есть лучше —
так вот жить иль умереть?!

Пушкину

Товарищ, верь, взойдет она
звезда пленительного счастья.

А. С. Пушкин

Не взошла звезда пленительного счастья,
хотя повержен царский строй.
И ты теперь на прахе
самовластья
стоишь в шесть метров высотой.
И если б ты сумел,
не тленьем ставший,
спросить еще вчера
за дедов скорбный труд —
тебя б загнали
вертухаи наши
во глубину сибирских руд.
...И прав ты,
и хвала тебе,
и слава,
что не был ты
коленопреклонен.
В угоду лжи —
главою величавой
не упадешь,
Российский Апполон!

* * *

Памяти В. Высоцкого

В отраженьи кривых зеркал
каждый, как мог, постигал
сущность вещей извне —
двоился их смысл в кривизне.

В одном из зеркал жила
правда, что души жгла.
Но свет ее плыл над землей,
отверженный кривизной.

Мир беспробудно был глух,
но только взыскующий дух
внутри искривленных зеркал
все линии резко ломал.

* * *

Ты в жизни своей нелюдим,
и сквозь зубы твои неспроста
изрыгается весь Нарым,
изрыгается вся Воркута.

О тебя не один, видно, лом
чьи-то подлые руки погнули
в котлованах далеких времен —
вот и душу перевернули.

Но я видел однажды тебя
совершенно другим.
Ты замерзшего грел воробья
нелюдимым дыханьем своим.

* * *

Сквозь толстые стены я видел
в казенном подвале глухом
звезду, что однажды обидел,
ступив на нее сапогом.
Всходила,
            тускнела —
и снова
светила судьбе вперекор:
как божье последнее слово,
как бога последний укор.

* * *

На своей земле,
а живу, как вор —
то к стене прижат,
то лечу в проем...
Где ты, мой причал,
где ты, мой простор,—
за какой молвой,
за каким холмом?
Я зажгу свечу,
чтоб ты, Господи,
увидал ее —
и решил спасти
душу грешную
на земном пути,
ведь в душе моей —
хоть шаром кати.
И послышится
резкий свист ветров...
То ли свист бродяг,
то ли свист небес...
И придет ко мне
радость теплых слов.
Знать, услышал Бог!
Я — воскрес!

* * *

Ночь.
    Поезд.
            Гулкие колеса.
Мои воспоминанья о тебе.
Зеленый свет
            над кромкою откоса —
как что-то новое уже
                    в моей судьбе.
Все позади —
            снегов ошеломленность,
и мой таежный скромный неуют,
и вьющихся дымочков невесомость,
что медленно над крышами плывут.
И через северный таежный пояс
невидимо летит
            твой красный свет —
что где-то мой остановился поезд,
и я обратно в юность взял билет.
...Но горизонт стекает по откосам,
зеленый свет мерцает на столбе.
И падают
        под черные колеса
мои воспоминанья о тебе.

* * *

Небес потемневших дыханье,
осенние листья летят.
Ни ветры, ни расстоянья
моих не восполнят утрат.

Снова осеннему облику
не чужды огни торжества.
Снова к летящему облаку
мокрая липнет листва.

Снова озябшие ветви
яростно бьют по щекам.
Ночь. Сумасшедшие ветры.
Что еще в будущем там?

Путь ли по снежному насту,
полный нелепых потерь..?
Мною забита
крест-накрест
в прошлое
черная дверь.

* * *

В суету под сводами вокзала
окунулся я из ссыльных мест,
и слоняюсь одинок,
как перст...
ни конца не видно,
ни начала.
Вновь вопрос передо мной
острейший:
денег нет —
и нищим кровный брат,
но кровей чистейших демократ,
может быть,
что ни на есть чистейших.
Если для российского собрата
время обернулось нищетой,
если денег нету за душой —
станешь
убежденным демократом...
Что с того, что ничего не значу,
и судьба, как прежде, на кону,
и опять я пойман на блесну,
как всегда,
несбывшейся удачи?

* * *

Может любая быть тема
превратной,
но только не тема про Русь...
Вою Нарымом
и плачу Непрядвой
и Троицкой лаврой молюсь.
Торгует моею душою
Иуда
по городам
и селеньям страны.
А ветры ликуют,
играя так чудно
в ошеломляющий
бубен луны.
Пляшут разгульные
пьяные девки
на стягах славянства,
задравши подол.
Поставлены крупные
подлые деньги
на память мою —
на российский подзол.

* * *

Возвратился в родные места
так нищенски бос и гол...
И судьбы моей клетка пуста,
и души моей волен щегол.

Нет, не зря я ловил на лету
трижды гаснущую в небе звезду,—
трижды бросил мне в ноги Бог
скитальческой грусти клубок.

* * *

Прокляни меня, прокляни
поздним вечером наедине.
Надо мною ночные огни
будут вольному сердцу родней.
Не пускай на порог, не пускай,
одичал я,
как волк в лесу.
Но не будь очень злой.
Не пинай —
унижений таких не снесу...

* * *

На вьюжном моем берегу
взмывают ветра, как стрижи...
Представить уже не могу
в другом измерении жизнь.
Что ж, не настолько я нищ —
я на рассветы богат...
От горьких своих пепелищ
куда-то все мчусь наугад.
Кому-то я просто смешон,
кому-то я вовсе нелеп —
семейного крова лишен.
Но честен
и сладок мой хлеб.

* * *

Снежинки тихие закружат.
Уронит небо темный лик.
И я почувствую,
                              что нужным
Кому-то стану в этот миг.
И что уже не с черным умыслом
стою на этом перекрестке,
и улыбаюсь, словно в юности,
я всем доверчиво и просто.

* * *

Залатай мне рубаху
не простою заплатой —
В той рубахе на плаху
я всходил, жизнью клятый.
Белой ниткой — по белому,
черной ниткой — по черному,
Мне, от бед ошалелому,
по судьбе обреченному.
В баньке паром да щелоком
все сомненья развею,
...Ох, знобит еще холодом —
хоть веревку на шею.

* * *

Дом напоминал о колдуне,
ведь в дому он жил совсем недавно...
Вспыхивали окна при луне,
свет в овраг пересыпая плавно.
Нынче возле дома рыщет зверь.
Не могу ничем унять зверюгу.
Страшными клыками гложет дверь,
пена с губ летит в ночную вьюгу.
Не колдун ли под покровом вьюг
рыщет до утра в обличье зверя?
Разомкнут времен минувших круг,
разомкнуты будущего двери...
Может, прикоснулся к тайне я,
к тайне слова и к значенью звука?
Вот и напускает на меня
страх господний
плачущая вьюга.
Разложу большой огонь в печи,
высветит огонь златое слово.
В колдовской рассыпятся ночи
душу леденящие оковы.

* * *

Я сегодня богат.
У меня есть на пиво.
Но куплю у весеннего дня
облака...
И стану, наверное, самый счастливый,
а дружкам-собутыльникам
просто скажу я: пока!
Нужен дождик мне,
пахнущий рощей,
чтобы жить с обновленностью
чувств,
и что может быть удивительней,
проще
того,
что купить облака я хочу.
Я сегодня богат.
У меня есть на пиво
и душа поневоле легка.
Я сегодня влюбленный
и самый счастливый —
я сегодня куплю облака,
облака.

* * *

Пусть в колоде карты порознь,
что ни туз — прокладка.
Сто очков вперед даст подлость
в картах
                    для порядка —
бью ва-банк,
на масть надеясь
в жизни забубенной!

...Над окошком тонкий месяц
в полумгле зеленой.

* * *

Нет времени, но есть Число
и на Земле и в знаках Зодиака.
Звоню я в прошлое:
«Алло!
Мне Сирано де Бержерака!»
Но наш обычный телефон
не предназначен для времен.
И лезли слухи обо мне,
что объявился сумасшедший.
А по ночам звезда в окне
звала к себе, наш мир презревши.
Я должен мир пройти насквозь,
поскольку во вселенной гость.
Мы все подверженные Числам,
над нами люстра звезд повисла
на вечном своде Зодиака.
Звоню я в прошлое:
«Алло!
Мне Сирано де Бержерака!»

* * *

Может это сон приснился?—
я морально опустился
с запою.
А когда я устыдился,
было чуть не удавился
той порою...
Но ниспослан небесами,
пред моими встал очами
участковый.
Тиснул речь:—
У нас в отчизне
все условия для жизни
и основы.
Я ему: канай ты к черту,
сам не хуже смыслю в чем-то —
значу что-то.
Ведь в таких местах работал,
где топор по фене ботал
на делянке.
А кому-то плюнешь в душу —
враз тебе надрежут уши
по пьянке.
Одним словом, был той ночью
в горотдел доставлен срочно
участковым.
И нашла коса на камень:—
Кто? Какими жил делами?
кражей иль разбоем?
Дело завели — и точка,
чую — лажа, проволочка —
чалить в ЛТП.
С 62-й статьею,
как с немилою женою
коротать тебе...
Нет, кумекаю, тут надо
не высказывать досаду,
а завлечь деньгой.
Факт один — дороговизна,
процветание рублизма,
правды никакой.

Намекаю деликатно:
не подумайте превратно,
я богат, как граф.
Есть немного за душою,
и притычить вам с лихвою
смог бы вроде штраф.
В общем, дали мне подписку
без сомнения и риску
в этой конуре.
Я, конечно, братцы, ходу,
сторговав себе свободу
по цене сто рэ...

* * *

Несу хоронить свое прошлое
в белых тапочках и в гробу.
Что ж ты, ветер,
слюной-порошею
звонко цвыркаешь через губу!
А на кладбище
сторож пьяненький
запрещает мне хоронить.
Говорит:
— Есть такие начальники,
— вот они должны разрешить.
Четвертак в лапу сторожу
брошу я —
не резон мне пытать судьбу.
Что ж ты, ветер,
слюной-порошею
звонко цвыркаешь через губу!

* * *

Я чью-то судьбу повторю,
похожий костер разожгу,
похожую встречу зарю
на дальнем ночном берегу.
Нечаянно вскрикну во сне,
легко наяву обманусь.
Любимая женщина мне
предскажет, что я не вернусь.
Но только за теплую грусть,
за снежное буйство костра
запомню я все наизусть —
свое
непростое
вчера...
В каком бы я ни был кругу —
с бедой или счастьем в упор,—
ничем погасить не смогу
над памятью снежный костер.

* * *

Что значит переставший быть собою?
Бутылок звон у жизни на краю...
На все махнуть бессмысленно рукою,
на теплую квартиру и семью.
А после бред — ума больного жженье.
Бессонница — коварная сестра...
Мир для тебя весь полон отрешенья,
и гложет мысль: повеситься пора!
Глоток вина... И мир, как наважденье,
влетит в окно — так несказанно-прост.
Да только это здравое прозренье
в болезненность обратно перейдет.
А за окном все шорохи ночные
в бутылочный сольются перезвон.
Такое ощущенье не впервые,
когда ты раздражителен и зол...
Ты страшно болен. Нет почти исхода.
Дверь скрипнула. К столу подходит черт...
(Знать, у нечистой силы нынче мода
на алкашей — податливый народ).
К тому же, черт, похожий на Севрюхина,—
Завбазой городскою. Алкаши
ишачат у него за разливуху,
цена которой — жалкие гроши.
Нет! Больше так не может продолжаться.
Отвлечь на миг — и сразу топором...
А ведь реальный человек казался
тебе — реальным чертом за столом!
Больница. Изоляция. А после
народный суд. Жестокий приговор.
И чье-то слово брошенное: «поздно»...
Сознанье жжет невольно до сих пор.
Тут не спасет завбазою Севрюхин,
другая жизнь, совсем иной настрой.
Была бы в пользу хлебушка краюха,
вопрос, как говорится, основной.
Не отразить — какие сны ты видел
в казенной той сторонке столько раз...
Не отразить — как по ночам обиды
текли скупыми брызгами из глаз.
Ты каждой клеткой знаешь, что на свете
утрачен до кончины твой покой.

Убийца — и в молчаньи стынут ветви.
Убийца — птичий свист над головой.
Ты каждой клеткой знаешь: нет прощенья!
Пусть кто-то и простит. А совесть — нет!
В судьбу навечно чье-то снисхожденье
впечаталось клеймом позорных лет.
Рассвет. И крик летящей в небе птицы
тревожит сердце горечью ночей.
На время сердцу хочется забыться...
Кто виноват?
По чьей вине,
по чьей..?

* * *

Н. Рубцову

Глоток горбачевской амнистии
вдохнул он
и с горечью сплюнул.
Метались опавшие листья,
и шел он
ссутуливши спину.
Никто ему просто не верил,
и был никому он не нужен.
Стучался в казенные двери,
и в разные двери,
к тому же.
Не мог он опять возвратиться
к людям,
погрязшим в раздорах,
решил в этот день удавиться —
он жить не хотел больше вором.
А после вороны кричали,
замкнув его круг недоверий...
И веяли холодом дали,
как чьи-то казенные двери.

* * *

И полжизни — нелегкое дело —
вы не сможете возразить.
Ввысь душа воспарить сумела
и о небо крылья разбить.

Шел по чащам,
                    болотам,
                              отрогам
не под знаком счастливой звезды.
И когда оглянусь на дорогу,
я почувствую боль темноты.

Там созвездий летящих
                              отвесность,
и отчаянный крик на ветру.
А еще впереди неизвестность
сопричастна и злу и добру.

* * *

Даль и ширь в одно слились
Меж куда-то и когда-то...
Я проездом в тебе, жизнь!—
без билета, без плацкарта.
Весь багаж шальной судьбы
на дорожные столбы
я однажды перемножу,
долгий путь свой подытожу.
Пусть разъезды чьей-то лжи
пролетали близ души.
Пусть неистовую юность
растранжирить поспешил,
золотые ее струны
оборвал,
не дорожил...
Собирать пора пожитки,
их, конечно, не в избытке.
Я проездом в тебе, жизнь!—
скоро мой разъезд,
кажись...

* * *

Все-таки поздно иль рано
я окажусь на краю.
И рваные клочья тумана
дорогу завесят мою.
Влекомый безудержной силой
из своего вчера,
рванусь я в пространство России
на свет золотого костра.
Какие он дали осветит,
золотоносный огонь..?
Приду я к нему на рассвете,
устав от метельных погонь.
Как зверь, теплый ветер почую,
пойму — жизнь настолько права...
Заплачу под песню чужую,
в которой пустые слова.

* * *

Я болен был
предчувствием рассвета,
ведь сколько по земле ни колеси,
придется болью заплатить за это —
так издревле ведется на Руси.

Я знаю —
призывая милость к падшим,
не раз кому-то тайно бог шепнул:
не только там,
во времени вчерашнем,
над зонами маячит караул...

Тень Божьего креста
на нашей совести,
не скрыть эпохи изнуренный лик:
привыкли жить по принципам
покорности,
а непокорным вырвали язык...

* * *

Неужель не дано нам прощенье
за нелепый наш путь-тщету?
Каждый миг наполнен значеньем:
жить по-прежнему — невмоготу.

Потеряли себя, проглядели —
кто за деньги, а кто за страх...
Сталинели и брежневели
впопыхах,
впопыхах,
впопыхах.

Вот и наши головушки клонит
к покаянью глухая тоска.
Жизнь идет, как на аукционе:
с молотка,
с молотка,
с молотка.

Так и кажется, время торгует
нашей совестью по городам.
И все больше и больше тоскует
по хрустящим, по длинным рублям.

И гуляет по нашему веку
от порога к порогу вранье.
И кричит над землей-калекой
воронье,
воронье,
воронье.

Только жаль поколенье отцово,
не вернувшееся с войны.
Боже,
дай нам последнее слово
на ветрах ошалевшей страны.

И прости наши души и кровли
и сейчас и на страшном Суде.
Мы молились,
платя своей кровью
большевистской
всеядной
звезде.

* * *

Ты прости, Господь,
неразумных нас,
Что на твой алтарь
занесли мы грязь.
И кричали нам
небеса твои,
вслед за нами лег
долгий путь в крови...
Ты прости, Господь,
я приду к тебе,
на великий суд,
страшной лжи плебей...
Только имя мне
легион — не счесть.
Лишь грехи одни
пред тобой и есть.
Безнадежно нас
не повергни в ад,
через вечность мук
отпусти назад.

* * *

Что ж ты, поле —
в ответ ни слова..?
Я к тебе в час урочный
иду.
Засвети надо мною
отцову
в небе
стынущую
звезду.
Засвети светом глаз
моей мамы
августейшие дали твои.
Пред тобою я —
как перед храмом
Покрова — на Нерли.
Поле,
душу мою покаянную
я пронес через годы —
прими!
Отпусти эту боль во мне
давнюю,
за грехи пред тобой
и людьми!
Если снова уйду я нелепо
в ночь,
где лживые чьи-то огни...
Закляни меня далью
и небом,
и во имя свое прокляни!
Что ж ты, поле —
в ответ ни слова...?
Я к тебе в час урочный
иду.
Засвети надо мною
отцову
в небе
стынущую
звезду.

* * *

Родина моя,
золотаюшка —
неужели ты не хозяюшка?
Почему властям —
свет мой маковый —
самый лучший кусок,
лакомый.
Не мастак плести
я напраслину,
но с опричиной не согласен я:
ни с боярскою думой
московскою,
ни с сегодняшней властью
кремлевскою.
Неужели так предназначено
и страданием все оплачено?
Не серчай на меня,
золотаюшка,—
как была при царе арестанушка,
так осталась ею во времени
и при Сталине
и при Ленине...
Мать — Россия моя,
зо-ло-та-юш-ка...

* * *

Все же время нас не забывает...
Мы — живые письма в новый век.
Может быть, однажды прочитает
и меня какой-то человек.
Ничего дописывать не надо,
вечно
продолжайся,
жизнь моя!
Пусть из чьих-то рук без адресата
просто кану в будущее я.
Люди,
я за многих вас в ответе,
в новые столетья ухожу:
радость припишите мне на свете,
остальное сам я допишу.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛЯБИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОКОЛИЦА»
1992